

Вирус Икс — новая и грозная разновидность заразы — свирепствовал на Земле, и человечество заплатило страшную цену, потратив целых пять лет на то, чтобы наконец одержать над ним победу. В те годы, ради удобства управления и предотвращения распространения заразы, во многих городах был введён комендантский час и военное положение.

Прошло пять лет. Люди наконец обзавелись вакциной, ворота временной базы в Городе Синьнань распахнулись, и горожане вернулись во внешний мир, в покинутый ими ровно пять лет назад город...

После катастрофы, Город Синьнань.

Ворота базы медленно открылись, и Цю Чэн вместе с толпой людей с остекленевшим видом двинулся навстречу внешнему миру. Ровно пять лет миновало с того дня, когда разразился вирус Икс. Столько времени потребовалось человечеству, чтобы полностью одолеть эту страшную заразу. В Городе Синьнань, где находился Цю Чэн, также завершился режим военного управления — створки временной базы распахнулись, позволяя жителям разойтись по домам.

Домой... но разве у него остался дом?

Цю Чэн стоял на склоне холма и сверху озирался на весь Город Синьнань. Когда-то процветающий мегаполис теперь лежал в руинах. Повсюду клубилась серая дымка, зияли обрушенные здания, а широкие дороги были изрыты глубокими воронками от непрекращавшихся сражений.

Пять лет назад вирус Икс один за другим охватил уголки планеты, не пощадив ни одну из стран. Заражённые им люди страдали жаждой крови, становились крайне агрессивными и полностью теряли рассудок. При этом зараза обладала колоссальной заразностью, и огромная масса народа оказалась инфицирована ещё в те времена, когда мир не был к этому готов.

То была долгая и тяжёлая борьба. Заражённые появлялись волна за волной, а поскольку вакцины не существовало, катастрофа казалась бесконечной. Лишь два месяца назад женщина-учёный по имени Филис добилась своего: она успешно разработала вакцину, поставив точку в этой войне.

За минувшие два с лишним месяца все выжившие получили прививки. Соединённые силы армий всего мира провели последнюю зачистку, полностью уничтожив оставшихся в тени неизлечимых носителей вируса Икс. Только после этого государства одно за другим отменили тревогу, позволив людям вернуться к обычной работе и жизни и активно приступить к послевоенному восстановлению.

Цю Чэн шёл по знакомой улице домой. Он родился и вырос в этом городе, бывшем его малой родиной, где хранились все воспоминания его детства и юности.

На придорожных стенах и в зияющих проёмах дверей магазинов темнели несмытые бурые следы крови — они безмолвно повествовали о трагедии, разыгравшейся на этой земле. Глаза Цю Чэна покраснели, и он выглядел словно ребёнок, хлебнувший лишнего горестей.

Неподалёку кто-то ликовал, кто-то плакал, а иные толпами носились по улицам в исступленной радости. Сам же Цю Чэн мечтал лишь об одном — добраться до своей скромной, тесной квартирки, места, по которому он тосковал все последние пять лет по тысяче раз на дню.

Отец Цю Чэна умер рано, а мать во втором классе старшей школы вышла замуж во второй раз. После свадьбы она продала их старую квартиру, чтобы оплатить сыну учёбу в школе и институте, после чего уехала с новым мужем в прибрежный город.

В те годы Цю Чэн был сыт и одет, и в целом всё шло неплохо, за исключением того, что во время школьных каникул, когда одноклассники и учителя разъезжались по домам, он всегда оставался один, и ему было некуда идти. Ощущение бездомности — горькая вещь, поэтому он совмещал учёбу с подработками и экономил каждую копейку. На четвёртом курсе рядом с Синьнаньским университетом начали застраивать новый жилой комплекс, и он, внеся первый взнос, приобрёл там крошечную квартиру чуть больше пятидесяти квадратных метров.

Пять лет назад, сразу после начала беспорядков, Цю Чэн попытался связаться с матерью, но безуспешно. Позже, когда местные власти занялись подсчётом погибших и расклеили списки с некрологами по всем временным базам, Цю Чэн узнал, что матери больше нет в живых.

Может, когда-нибудь потом, когда жизнь станет чуточку легче, ему стоит сходить к ней на могилу, думал Цю Чэн, поднимаясь по лестнице. Слава богу, их многоэтажка уцелела! Правда, восстановительные работы в Синьнани только-только начинались, электричество в этот район ещё не провели, лифты не работали, и подниматься на четырнадцатый этаж пришлось на собственных двоих.

Продовольствия на временной базе не хватало. Прожив там пять лет, Цю Чэн исхудал до такой степени, что от него осталась лишь кожа да кости, однако он отличался крепким телосложением и выносливостью. Все эти годы ему довелось осваивать целину и возделывать землю, чинить ограждения и носить трупы, а также по призыву властей выходить с военными во внешний мир на поиски припасов. Не обладай он силой, сноровкой, а также будь у него за душой влиятельных покровителей или связей, он бы ни за что не дожил до сегодняшнего дня на те скудные пайки, что выдавали ежедневно бесплатно.

На лестничной клетке стояла звенящая тишина — ни звука. В этот момент в целом доме, пожалуй, он находился один. Когда всё только начиналось, их дом сдали совсем недавно, и заселённость была низкой. Добрался до четырнадцатого этажа, Цю Чэн подошёл к своей двери и увидел на ней следы от ударов тяжёлым предметом, но внутрь ворваться не смогли, а замки были целы.

Цю Чэн повернул голову и заглянул в квартиру напротив — бетонную «коробку» с настежь распахнутой тонкой деревянной створкой. Внутри виднелись следы от костра, рядом валялось

несколько недогоревших досок и пара книг. Видимо, в те дни кто-то прятался в их доме; сколько они здесь просидели — неизвестно, но вокруг не осталось следов крови, и, судя по всему, обошлось без жертв.

Цю Чэн достал собственные ключи, открыл дверь и вошёл. Внутри, как он и надеялся, всё оставалось на своих местах — обстановка выглядела ровно так же, как в день его ухода. Перед отлучкой он наглухо закрыл окна и двери, поэтому мебель почти не покрылась пылью. Еды в квартире не осталось: когда подошла очередь их сектора на эвакуацию, Цю Чэн уже несколько дней отсиживался дома, поджедая всё съестное, а уходя, прихватил даже приправы, не оставив ни крошки.

Часы показывали половину четвёртого дня, а за пазухой у него лежали ещё две кукурузные лепёшки. Цю Чэн решил сегодня ничего не делать, а просто как следует выспаться на давно заброшенной панцирной кровати. Перед сном он снова вышел на лестничную площадку, заглянул в соседнюю квартиру и перетащил к себе все доски и книги с пола. Свет, воду и газ неизвестно когда ещё подключат — возможно, эти вещи понадобятся ему для растопки.

Одеяло на кровати запылилось и слегка отсырело, но это были мелочи, к которым можно привыкнуть. По сравнению с условиями на временной базе, здешняя обстановка казалась роскошной — по крайней мере, здесь были мягкие кровать и постель.

Спать не хотелось, и Цю Чэн вытащил те самые книги, чтобы полистать их от нечего делать. На обложке одной из них древними иероглифами значилось: «Записки о культивации древесины». Сначала он подумал, что это роман о бессмертных, но, раскрыв томик, обнаружил, что весь текст написан на древнем языке, а содержание напоминает не художественную историю, а скорее личные записки о тренировках практика древесной стихии.

Судя по написанному в книге, дыхание травы и деревьев — это первооснова всего жигого сущего в мире. Сначала растительность порождает обильные потоки духовной энергии, и лишь затем рождаются мириады живых существ. Когда духовной энергии в избытке — всё в мире процветает и благоденствует; когда она истощается — увядает и сама жизнь.

Описанные же в книге методы культивации заключались в том, чтобы очищать собственное тело с помощью растительной ци, впитывая в себя больше духовной энергии, чем обычные люди, и выводя наружу внутреннюю грязь, благодаря чему сознание человека проясняется, а тело обретает здоровье и долголетие...

Чем дальше читал Цю Чэн, тем серьёзнее и сосредоточеннее становилось его лицо. В конце концов он резким движением соскочил с кровати, раздобыл на кухне плетёный мешок, схватил ключи и пулей бросился вниз по лестнице — ему не терпелось проверить, правду ли пишут в этой книге.

Помимо техник медитации и формул заклинаний, в «Записках о культивации древесины» описывалось несколько формаций. Среди них выделялся Массив Сбора Духов, способный концентрировать духовную энергию. Утверждалось, что медитация и тренировки внутри такого

массива дают двукратный результат при вдвое меньших усилиях, а если выращивать внутри него растения, они будут развиваться стремительно и бурно.

Лучшими материалами для установки подобной формации служили духовные камни, на втором месте стоял нефрит, годились и обычные булыжники, но эффективность массива, созданного из бросовых камней, была крайне мала. У Цю Чэна не было ни такого количества нефрита, ни тем более понятия, где достать духовные камни, поэтому он решил сначала попробовать обычные булыжники, а если толк действительно будет — тогда уже поломать голову над поисками нефрита.

Синьнаньский университет находился ближе к окраине, и прямо напротив учебных корпусов раскинулось немало крестьянских наделов. Теперь эти поля забросили, и они заросли дикими сорняками. Цю Чэн осмотрел межу, отыскал местечко с чёрной и мягкой на ощупь землёй, раскрыл плетёный мешок и набрал добрую его половину почвы, после чего ещё какое-то время порылся в траве, пока наконец не отыскал несколько зелёных ростков лука-батуна.

В первый год их пребывания на временной базе городские власти ещё организовывали людей на сбор урожая. Позже, поскольку участок располагался далековато от базы, а кругом кишели опасные заражённые, на второй год сеять уже никто не стал, и поля запустели. Впрочем, в последние два года число заражённых поуменьшилось, и люди то и дело снаряжали вылазки за дикими овощами.

Взвалив на плечо тяжеленный мешок с землёй, Цю Чэн поплёлся на четырнадцатый этаж. Как бы ни была крепка его выносливость, сейчас он чувствовал себя измотанным. Присев на диван передохнуть и немного восстановив силы, он поднялся, достал из кухонного шкафчика ящик с инструментами и из тех самых досок, что притащил из соседней квартиры, принялся кое-как сколачивать деревянный ящик.

Затем он отыскал в шкафу старую футболку, разрезал её, сшил под размер деревянного короба и выстелил изнутри тканью. Только после этого он ссыпал в короб землю из мешка и посадил туда добытые луковые побеги. Поразмыслив немного, он полил землю остатками воды из своей полупустой бутылки: за годы на базе он поднаторел в земледелии и знал, что первый полив после посадки называется поливом для укоренения и колоссально влияет на дальнейший рост растений. Цю Чэн перенёс этот деревянный ящик на террасу, вытащил из кармана несколько камней, которые только что подобрал на обочине, и, в точности следуя нарисованным в той книге схемам и ориентируясь по сторонам света, по образу и подобию установил Массив Сбора Духов.

Когда он со всем этим закончил, небо уже совсем потемнело. Цю Чэн стоял у перила и смотрел в сторону центра города. Там в нескольких высотках уже зажглись огни, и эти огоньки казались такими крошечными в густой темноте, но в то же время такими полными надежды.

На следующее утро, в лучах раннего солнца, Цю Чэн присел на корточки на собственной террасе и снова и снова разглядывал зелёные побеги.

Это ненормально! Эти только что пересаженные луковые перья не только не вяли, но и вытянулись на целый палец в длину. Сейчас стояла ранняя весна, ночная температура едва дотягивала до пятнадцати градусов, и при таких условиях лук не мог расти так быстро — это абсолютно ненормально!

— Внимание всем жителям! Внимание всем жителям! Народная больница Города Синьнань проводит бесплатный приём и диагностику для всех граждан, пожалуйста, следите за своим здоровьем, если у вас...

Услышав шум, Цю Чэн поднялся с террасы и выглянул на северную улицу жилого комплекса: по студенческой улице прямо за их домами как раз медленно проезжал полицейский мотоцикл.

— ...Гражданам, у которых повреждены дома, просьба получить временные палатки в спортивном центре, в назначенный срок соответствующие ведомства централизованно распределят жилье...

— ...Бедствие позади, и впереди нас ждет прекрасное завтра. Просим всех взбодриться...

Цю Чэн напоследок бросил взгляд на лук на террасе, поспешно запер дверь и спустился вниз. Хотя ему безумно хотелось потратить больше времени и сил на изучение Массива Сбора Духов, насущным вопросом сейчас оставалось выживание.

Динамик на только что проехавшем полицейском мотоцикле вещал, что во многих местах центра города набирают людей для ликвидации последствий катастрофы.

За те годы в временном лагере Цю Чэн тоже участвовал в нескольких крупных наборах, организуемых городской администрацией, самыми масштабными из которых каждый год были весенний сев и осенний сбор урожая. В зависимости от специальности и физической подготовки правительство делило всех откликнувшихся граждан на четыре категории рабочей силы.

Первая категория состояла в основном из военных, поскольку они могли сражаться с заражёнными и являлись главными бойцами, а также важнейшей частью людей для тогдашнего временного лагеря; туда же относились врачи, высококлассные технические специалисты, ученые и исследователи. Молодые и крепкие парни вроде Цю Чэна определялись во вторую категорию обычной рабочей силы, а дальше шли третья и четвертая.

Обычно наборы предъявляли требования к категории. Даже при участии в одном и том же наборе для разных категорий наниматели предлагали разные условия. Ради получения лучшей и в больших количествах еды Цю Чэн приложил немало усилий за эти годы, чтобы поднять свою квалификацию с третьей категории до второй.

Как правило, если речь не шла о растущих подростках, после окончательного утверждения эта

категория редко менялась. Разумеется, за эти годы Цю Чэн повидал немало людей, которые использовали связи, чтобы махинировать со своим уровнем. Во время каждого набора, пройдя лишь простое собеседование, они получали вознаграждение, в разы превышающее их собственный вклад.

Однако такие люди редко задерживались надолго: после пары раз они становились одиозными и всем известными. К тому же, не обладая столь крепким здоровьем и психологической устойчивостью, они подвергали себя определенной опасности, когда их отправляли на выполнение задач более высокого уровня.

Отправляясь на этот раз из дома, Цю Чэн захватил и свой старый альпинистский рюкзак, засунул в него вчерашний плетеный мешок из-под земли и прихватил флягу. Накинув рюкзак на плечи, он поспешил в центр города. По дороге, завидев гильзы или другой металлический мусор, он подбирал его и складывал в рюкзак.

Хотя двери многих магазинов по обеим сторонам улицы были распахнуты настежь и внутри, если заглянуть, могло обнаружиться что-нибудь ценное, сейчас никто не знал, живы хозяева этих лавок или мертвы. Заходить внутрь и брать вещи сейчас означало совершать кражу со взломом. А если столкнуться с хозяином лицом к лицу, конфликт мог обостриться, и простая кража превратилась бы в грабеж.

Цю Чэн заметил под соседним навесом сломанный телефон, сделал несколько шагов, подобрал его и решил положить в рюкзак.

В этот момент порыв ветра взметнул несколько пластиковых пакетов в углу стены, и Цю Чэн, подняв голову, увидел место, которое те пакеты прикрывали: там тихонько валялось несколько белых осколков... Это были обломки костей, оставленные теми чудовищами.

Неизвестно, как именно вирус Икс преображал человеческое тело, но после заражения им некогда нормальные люди превращались в монстров, живьем пожиравших человечину.

Подобных осколков костей Цю Чэн в прошлом видел немало. Больше всего их было три года назад весной, когда из-за нехватки продовольствия их временный лагерь организовал вылазку людей за дикими овощами наружу, и отряд Цю Чэна отправился на один из горных склонов к северу от реки Синьнань. Там они подверглись нападению зараженных, и сопровождавшие их солдаты немедленно вступили с ними в бой. После окончания боя Цю Чэн и еще с десятка гражданских лиц были отправлены зачищать близлежащую пещеру, которую зараженные облюбовали под свое логовище. Именно тогда он и увидел множество точно таких же раздробленных костей, как перед его глазами.

Все это были человеческие кости — белые или со следами грязи. Черепа, бедренные кости, фаланги пальцев... они в беспорядке валялись по всей пещере. Цю Чэн и остальные нагроулили по коромыслу этих костей и отнесли их обратно в временный лагерь для сожжения. Что же касается того, сколько человеческих трагедий разыграли здесь эти зараженные и сколько чужого отчаяния и страха впитали эти стены, — это был настоящий ад на земле, который

выжившие не смогли бы вообразить ни при каких обстоятельствах.

Чем дальше они продвигались к центру города, тем больше на улицах становилось прохожих. Большинство из них выглядели примерно так же, как Цю Чэн: желтолицые, истощенные, с затаившейся во взгляде суровой цепкостью.

Когда Цю Чэн добрался до первого пункта вербовки, его желудок уже сводило от голода. Прошлым вечером перед сном он лишь пару раз откусил от кукурузной лепешки, а когда чувство голода немного утихло, постарался как можно быстрее погрузиться в сон. С самого утра и до сих пор у него во рту не было ни крошки. Рядом с пунктом набора стояла водовозка, и немало местных жителей с ведрами, чайниками и другой тарой выстроились в очередь за водой. Цю Чэн немного подумал, тоже достал из рюкзака флягу и пристроился в хвост очереди: его мучила страшная жажда, сначала нужно было раздобыть воды.

— Молодой человек, иди сюда, я налью тебе ковшик воды.

В этот раунд пожилая женщина под платаном у обочины поманила его рукой, перед ней стояли два больших ведра.

Цю Чэн обернулся и заметил, что возле пункта набора было немало таких добровольцев. Сердце его сразу всё поняло. Поразмыслив, он всё же подошел, протянул флягу, чтобы она помогла её наполнить, сделал несколько жадных глотков, осушив больше половины, а затем протянул флягу снова, чтобы та долила её доверху.

— Сынок, а у тебя еды не найдется? Дай хоть кусочек, Христа ради.

Как и ожидалось, стоило женщине вновь наполнить флягу, как она тут же попросила еды.

Если бы это было в прежние времена, Цю Чэн, пожалуй, даже не приблизился бы к такому лотку с водой. А если бы и подошел, то ни за что не поделился бы съестным. Он мог бы отдать что-нибудь другое — например, старый телефон или стреляные гильзы, которые валялись у него в рюкзаке. Наверняка и остальные поступали точно так же. Но на этот раз всё было иначе. Цю Чэн вспомнил про те «Записки о культивации древесины», что лежали у него дома, и про свежие, налитые соком пучки зелёного лука на балконе. Решив проявить редкую для себя щедрость, он достал из-за пазухи тот самый кукурузный лепёшечный край, надкусанный им пару раз, отломил от нетронутой половины небольшой кусочек и протянул его измождённой старухе.

— Ой, молодой человек, какая у тебя добрая душа! Скорей, скорей же, ты ведь работник второго разряда? Иди вон туда, вставай в очередь. В этом пункте набора нужно всего двести работников второго разряда, а когда наберут нужное число людей, набор закроют на очень долгое время.

Старуха не сводила глаз с рук Цю Чэна, и лишь когда он вложил заветный кусочек кукурузной лепёшки ей в ладонь, её лицо озарилось улыбкой и она принялась торопить его занять очередь.

Услышав это, Цю Чэн поспешил присоединиться к очереди. Этот пункт найма находился ближе всего к его дому. Если всё пойдёт хорошо, то и убирать им доверят как раз здешние кварталы. Отправляйся он работать в другой район — при нынешних огромных проблемах с транспортом каждый день добираться туда и обратно станет жуткой головной болью.

Хотя вокруг полно пустующего жилья, в бесхозные дома кому попало вселяться запрещено, да и Цю Чэн никогда не помышлял о переезде.

Очередь продвигалась быстро — на регистрацию одного человека уходило меньше минуты. Это был один из тех навыков, что привила местным обывателям пятилетняя эпоха военного положения.

Когда дошла очередь Цю Чэна, он достал заранее подготовленное удостоверение личности и приложил его к считывателю на столе. Аппарат издал чёткий тихий писк.

— Цю Чэн, простой работник второго разряда, есть сертификат электрика. Распределён в бригаду электриков. Первый вариант питания или второй? — не поднимая головы, регистратор молниеносно застучал пальцами по клавиатуре ноутбука, внося данные.

— Второй вариант, — сглотнув слюну, скрепя сердце ответил Цю Чэн. Пока он стоял в очереди, стоявшая впереди женщина уже всё ему подробно объяснила про оба рациона, а чуть позже и сам Цю Чэн успел растолковать это человеку, стоявшему за ним.

Участвующим в нынешнем наборе работникам полагалось двухразовое питание в день: в одиннадцать часов утра и в половине пятого вечера. Первый вариант включал в себя один кукурузный блин, порцию похлёбки из сборных овощей и миску кукурузной каши-размазни (в состав похлёбки входили пекинская капуста, картофель, морковь, стручковая фасоль и прочее), в то время как второй вариант состоял из двух кукурузных блинов и миски кукурузной каши.

<http://bllate.org/book/21998/2286866>